

Я родился 12 го Октябрю, по старому стилю, 1909 года, въ Москвѣ. Мои родители были богаты, очень богаты, и въ моей молодости, я ничего, кромѣ роскоши не видалъ.

Избалованъ я росъ, среди мамокъ, нянекъ, гувернантокъ. И теперь я иногда думаю, что если бы ничего не случилось, и я продолжалъ бы расти, какъ я началъ, то изъ меня возможно вышелъ бы человекъ, какимъ я никогда не хотѣлъ бы быть, т.е. избалованнымъ, безхарактернымъ, развращеннымъ. Все что Богъ дѣлаетъ, всегда бываетъ къ лучшему. Слава Ему.

Первое, что я помню изъ своей жизни, это прїездъ ко мнѣ моей гувернантки-Миссъ Крэмъ. Она была англичанка, не говорила ни слова по русски, прїѣхала въ страну, которую она считала, полудикой-Россію, прельщенная платой, которую ей предложили мои родители, чтобы уйтить меня. Въ своей жизни я встрѣчалъ много людей, хорошихъ и плохихъ, но мало лучше ея. Она въ моей жизни сыграла большую роль, и потому, постепенно, какъ я буду писать, я долженъ буду ее вспоминать незамѣтно, и нарочно искренно.

Мнѣ было тогда 4 года. Я только что вернулся съ дѣтскаго бала, когда мнѣ сказали, что моя будущая гувернантка прїѣхала. Что? Ко мнѣ прїѣхала, гадкая, злая англичанка? Это меня такъ обозлило и огорчило, что цѣлыхъ полъ-часа, я сидѣлъ на коврѣ моей комнаты и проклиналъ судьбу и ее. Какъ воѣ дѣти, я уже заранѣе придумывалъ, какъ я ее буду мучить. Моимъ главнымъ союзникомъ, какъ сейчасъ помню, должны были быть волки, которыхъ я собирался звать изъ лѣса, чтобы ее загрызть. И вдругъ она вошла. Описать ее я не могу, я тогда былъ слишкомъ молодъ. Знаю только, что впечатлѣніе она на меня произвела, сразу хорошее, и вотъ я, черезъ 10 минутъ сидѣлъ съ нею на большомъ ящикѣ, гдѣ находились мои игрушки. Передъ нами были коробки съ цвѣтными кубиками. Она называла "вайтъ" и показывала бѣлый кубикъ. Я выучилъ мое первое англійское слово. Кто второй встаетъ въ моей памяти? Няня. У меня слезы стоятъ на глазахъ, когда я пишу про нее. Гдѣ она теперь? Что съ нею? Старушка, довольно высокая, сѣдая съ тихимъ, смиреннымъ голосомъ, въ бѣломъ чепчикѣ и передникѣ. По вечерамъ, она меня ставила передъ Иконою Божіей Матери и за нею повторялъ: "Боже Милостивый, блуди мя грѣшнаго, создалъ Ты меня грѣшнаго Господи и помилуй мя. Безъ числа согрѣшилъ я Господи прости мя. Помилуй Господи Папу, Маму, Краснаго, Крестную". Потомъ я выучилъ "Отче Нашъ", и затѣмъ "Богородицу".

Папа Мама. Я ихъ плохо помню въ моемъ дѣтствѣ. Они входятъ въ мою жизнь позднѣе, во время гоненій. Знаю только, что оба они меня очень любили. Мама, выражаетъ свою любовь баловствомъ, Папа-суровостью. Я капризничаю, стою въ двери и объ чемъ то ною. Меня уговариваютъ. Вдругъ палецъ прищипился въ двери. Я хочу плакать, мнѣ больно. Мама хочетъ приласкать, итти на уступки. Папа говоритъ: "Такъ тебѣ и нужно, другой разъ не будешь баловаться". Оба исполняютъ свой долгъ.

Моя комната, т.е. мои комнаты, ихъ двѣ, и каждая величиной въ цѣлую квартиру, выходятъ въ садъ. Одна, моя спальная, вся бѣлая и свѣтлая. Другая, гдѣ я играю и ѣмъ-колосальная. Въ дальнемъ концѣ большой, длинный ящикъ, на немъ всевозможныя игрушки. Чего тамъ не было? Куклы, изъ которыхъ самая большая, целлюлоидный Васька, съ дыркой на лбу, когда я его впервые помню-былъ больше меня. Дальше кубики, разноцвѣтные, разнообразныя, ящики и ящики. Потомъ идутъ солдатики, автомобили, звѣри, поѣзда все, все. Большія лошади, слоны, тигры, трехколесный велосипедъ, всякая всячина. Въ этомъ же концѣ комнаты стоитъ огромный диванный столъ, красный диванъ, на которомъ я лежу одинъ часъ, послѣ завтрака, пока Миссъ Крэмъ, читаетъ мнѣ какую нибудь книгу. На этой же сторонѣ висѣла колосальная картина, (Буря-Левитана) которую я всегда боялся, она трагически предсказывала мою судьбу, изображала лѣсъ во время бури.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ прїезда ко мнѣ Миссъ

Кремль, началась Всемирная война. Душа шестилетнего русского патриота вскипела. Весь мой интерес перекинулся на войну. Каждый день мне Мисс Кремль читала про войну, показывала картинки, клеила их на стену. Все мои игры стали военные. Строила крепости. Поезда везли солдат. Слоны и львы, которых я прицепляла к моему велосипеду, и вез со страшной быстротой и шумом по коридору, были бронированные поезда. Как атаки я делала на мои куклы и представляла их бедными бельгийцами, мучимыми немцами. То они были немцами, и я их рубил шпагой. Только Васяка, мой любимец, всегда оставался русским. Папу я любил видеть в военной форме со шпагой. Он мне казался тогда вдвое могущественнее, и послушаться его в форме, я охотнее бы грехом против Родины. Кто еще участвовал в моих играх Мисс Кремль? Да, но чья эта маленькая фигурка, в красном, простом платьице, с двумя черными косами? Это Санька, дочь швейцара Ивана. Мы вместе строили мосты в саду через канавы, рвали яблоки, и вообще проводили время, играя и шалая. Иногда ее пускали ко мне в комнату, тогда был праздник, я плясал и бегал по комнатам от радости, ожидая ее прихода. Она пришла и вот мы играем у меня на ковре.

Дом большой, многие комнаты в нем для меня были тайной. Отдельно я его хорошо помню. Каждая комната встает в моей памяти, но в целом, я его забыла. Помню столовую, с большим камином, где стояли два рыцаря. Длинный коридор. Огромный зал. Библиотека, где Папа читал. Дальше много комнат, полных всякими старинными вещами, которые собирал мой отец. Мамину комнату, обитую красным штофом. Ванную, где можно было плавать. Все это встает в моей памяти отдельно, но вместе все эти комнаты, я помню смутно. Знаю только, что мой отец, коллекционер старинных вещей, наполнил весь дом стульями, на которых нельзя было сидеть, табакерками, которые нельзя было трогать, часами, которые не ходили. Все это я тогда не ценил и возмущался. Картины, которых тоже было много, я переносил, но стулья без сидений, нет, это уже было безобразие.

Помню сад, он был пропорционален к дому. В нем не было ни разбивки, ни рисунка, как бывает в садах, это был скорый парк. Росли деревья, были горки. Помню сад зимой. Я со своими салазками катаюсь в нем. Копаюсь в снегу, играю. Весна. Он цветет. Сначала появляются подснежники, за ними другие цветы. На лето мы уезжали в подмосковную. Осенью яблоки, их можно было рвать и есть. Еще цветы. Потом опять зима, снег. Много, много, из того, что играло роль в моей жизни, связано с этим садом. В нем же, в первый раз в своей жизни, я услышал взрыв орудий и свист пуль. Но вернемся к тому очастливому времени, когда я играл в нем в безопасности. Вот я гуляю с Мисс Кремль. Здесь она мне читает. Там я играю с Саней. Забавный анекдот случился со мной в этом саду. Как то раз весной, я нашел старика солдатика оловянного, он пролежал в снегу, всю зиму и весь обледеть. Один из убитых и потерянных воинов, моих осенних битв. И вот я решил похоронить сего неизвестного героя. Я его похоронил под деревом в середине сада. Но вышло так, что мои родители, как раз на этом месте, решили возвести горку, и вырубая деревья, садовник раскопал моего солдатика. Я его вновь нашел и начал искать новое место для похорон. Решил зарыть в клумбу, но садовник меня прогнал. Тогда я решил упрямо, туда его все таки похоронить, когда садовник уйдет, а временно его положить в середину того места, где деревья уже были вырублены. Там я его забыл, и когда вспомнил, то было уже поздно, над ним уже возвышалась гора. Мой первый неизвестный воин, лежит под грандиозным памятником.

Весной, когда мне уже было пять лет, и Мисс Кремль у нас уже была ~~названия~~ полтора года, произошло событие, которое сильно перевернуло мое положение в семье. Началось все очень таинственно. Меня перевели из моей спальни, в мою дет-

скую. Запретили шумѣть. Въ домѣ появились доктора и какія то женщины съ оумачками. Не позволяли мнѣ видѣть Маму. Наконецъ, я спалъ нервно и видѣлъ во снѣ Маму. Утромъ же, когда я проснулся, я вдругъ услышалъ, рядомъ съ моей бывшей спальней-стоны. Я очень испугался и хотѣлъ кричать, но няня, которая спала у моей постели, мнѣ скорѣе шепнула: "тише, это Мама, она больна". Все это утро, я страшно волновался, и сидѣлъ съ Миссъ Крепъ въ столовой. Часовъ въ II, вдругъ вошелъ Папа и съ торжественнымъ видомъ сѣлъ на стулъ, взявъ меня за руки и сказалъ: "Ну Павликъ, у тебя родилась оестра, Татьяна". Я былъ страшно радъ, и хотѣлъ сейчасъ-же ее видѣть. Папа меня повелъ въ мою спальню. Тамъ лежалъ Мама, очень блѣдная и больная, а Татьяны-ни слѣда. Я поцѣловалъ Маму, постоялъ около нея и пошелъ искать нашу новорожденную, но найти никакъ не могъ. Наконецъ подошелъ къ вѣстуду, гдѣ лежала масса пеленокъ, и хотѣлъ сѣсть на все, когда вдругъ изъ середины, раздался жалобный пискъ. Я подскочилъ въ воздуху, подозвалъ Папу, и вотъ когда развернули пеленки, моимъ глазамъ открылся красный, новый человечекъ. Началось время волненій, купаній, пеленаній. Я за всѣмъ наблюдалъ и всѣмъ интересовался. Приѣхала новая няня, сначала я ее немного боялся, потомъ привыкъ. Она ухаживала за моей сестрой, а она все росла и процвѣтала.

Еще помню, какъ я на себя навлекъ впервые, гнѣвъ моего отца. Моей оестрѣ былъ уже годъ, и я, какъ-то въ плохомъ настроеніи, бросалъ кубики и попалъ ей нечаянно въ лобъ. Я даже не замѣтилъ это, и когда меня спросили, отвѣтилъ, что должно быть Таня упала въсаду. Но няня меня обвинила, и мои родители оеріезно на меня разсердились, не столько за причененную боль Танѣ, какъ за вранье, а я откровенно думалъ, что говорилъ правду.

У меня были еще полу-братъ и сестра. Дѣти моей матери отъ ея перваго мужа. Первое время въ Москвѣ, я ихъ видѣлъ какъ то рѣдко, и какъ мы встрѣтились въ первый разъ, я не помню. Сережа и Леночка въ ихъ старомъ домѣ на Арбатѣ. Иногда, уже позднѣе, когда умеръ ихъ отецъ, Мама меня къ нимъ возила. Сережа жидъ болѣе свободно и притомъ былъ старше меня. Въ саду у него была своя армія мальчишекъ, они дрались съ сосѣдями. Въ одной изъ битвъ и я какъто принималъ участіе, и это мнѣ очень понравилось. У Сережи также былъ свой театр, онъ занималъ цѣлыхъ двѣ комнаты. И въ немъ Сережа и его друзья ставили пьесы. Третьимъ интересомъ Сережи была еще конюшня, гдѣ у него стояли очень хорошія лошади, которыхъ онъ очень любилъ. Вообще же мой братъ мною пренебрегалъ. Считалъ малышомъ, и въ вообще никуда не годнымъ. На меня, который привыкъ къ полному подчиненію и почитанію, это сильно дѣйствовало, и постепенно, чувство зависти и антипатіи къ нему росло, вплодь до Кисловодска. Я совершенно опредѣленно могу сказать, что изъ всѣхъ отдѣльныхъ людей, которыя играли роль въ моей жизни въ молодости, Сережа сыгралъ самую большую, но объ этомъ буду писать по оаднѣе. Последнее лѣто, которое я провелъ въ Кучинѣ, онъ былъ съ нами, и хотя мы много были вмѣстѣ, это только увеличило нашу взаимную нелюбовь другъ къ другу. Леночку я помню очень смутно. Знаю только, что она какъ Мать ухаживала за Сережей, хотя была только на пять лѣтъ старше его. Ее я узналъ лучше, только позднѣе-въ Конотантинополѣ, въ Лондонѣ и наконецъ въ Парижѣ.

Что это за бѣлый домикъ всплываетъ въ моей памяти. Довольно большой, но деревянный. На право кустарникъ съ мѣлкимъ кустарникомъ спускалась къ ручейку, дальше лѣсъ. На право дворъ хлѣвъ и за нимъ опять лѣсъ. Кругомъ старый, оосновыи лѣсъ, высокій, темный. Эта наша подмосковная, около деревни и станціи Кучино. Стоитъ она въ большемъ иѣнѣи, разбитомъ на отдѣльныя участки, и въ каждомъ изъ нихъ живетъ одинъ или другой изъ моихъ дядей или тетей. Ихъ было очень много у меня, и даже не помню ихъ всѣхъ. Они часто приѣзжали къ намъ въ Москвѣ. На

Я такъ жилъ, всѣмъ интересовался, все старался дѣлать. Одно только пятно лежитъ на моемъ пребываніи въ Крыму. Это когда я заболѣлъ колитомъ, но онъ продержался только двѣ недѣли и прошелъ, и опять я сталъ рѣзвиться; счастливый я былъ тогда. Ничего не дналь, не объ чемъ не заботился, игралъ себѣ и все. А въ это время моя Родина уже переживала первыя схватки самаго страшнаго кризиса въ ея исторіи. Но когда мы вернулись въ Москву этой осенью, даже я, маленькимъ, хотя я тогда и былъ, что что-то начинается неладное, бурное, громадное и я весь воспылалъ. Мои интересы перешли на движеніе революціи. Я сталъ спрашивать моихъ родителей о новомъ, и изъ за дня на день, получалъ все болѣе и болѣе короткія отвѣты и я понялъ, что буря близка. Всякая война ужасная, но междоусобная вона самая ужасная изъ всѣхъ. Каждый ненавидитъ своего врага, но когда знаешь, что врагъ твой соотечественникъ, то его ненавидишь тѣмъ больше, съ дьявольской ненавистью, со звѣриной чѣмъ человѣческой. Вотъ это и произошло въ 1917 году, когда революція началась въ Россіи.

Что революція была неизбежна въ Россіи, это кидо ясна. Что она должна была прійти, это было только естественно, но какъ и многія мученія, который человекъ переноситъ для своей пользы, ея дѣйствія очень болѣзненно. Причины, которыя вызвали революцію, были очень многочисленны. Односторонность правъ, плохое правительствo и недостатки другихъ публичныхъ учрежденій были главными причинами. Почти всемогущій царь, поставилъ на отвѣтственные посты, второй величайшей державы міра, не опытныхъ, честныхъ и умныхъ людей, а своихъ любимцевъ и членовъ аристократій. Это было ясно въ особенности за время послѣдней войны. Крестьяне, далеко самая большая часть русскаго народа, было безправно и зависѣло отъ помѣщиковъ. За послѣднее полу-столѣтіе, было сдѣлано много революціонныхъ попытокъ, но это не привело къ лучшимъ результатамъ и сопровождалось убійствомъ нѣсколькихъ отвѣтственныхъ лицъ и бросаніемъ бомбъ. Участники этихъ попытокъ, были жестоко наказаны, но это, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ вмѣсто того, чтобы подавить революціонное настроеніе, еще болѣе его воспламенило. Все кипѣло. Нужна была только война, съ мобилизаціей, недовольствіемъ, голодомъ, паденіемъ авторитета власти, чтобы привести давно ожидавшуюся революцію. Также нѣмцы, находя восточный фронтъ надѣдливымъ, провезли въ Россію намѣченныхъ революціонныхъ вождей, какъ Ленинъ, Троцкий и другія. Сдѣлано это было при помощи товарнаго вагона, въ которомъ были помещены заговорщики, и который былъ оставленъ на станціи, эвакуированной нѣмцами. Какъ только они пріѣхали, началась смута. Недовольныя шопоты въ длинныхъ голодныхъ очередяхъ за хлѣбомъ. Тайныя митинги и собранія въ клубахъ. Ораторы на уличныхъ углахъ, говорящія небольшими группамъ, которыя постепенно росли. Сначала все это при видѣ городского расхопалось, но потомъ мало по малу, они стали храбрѣе, и наконецъ уже настала очередь городского бѣжать отъ нихъ. Многія, даже высшаго класса и большинство средняго, стояло за революцію. Все это постепенно начало вліять на внутреннюю политику. Множились партіи. Соціалисты и большевики становились сильнѣе и сильнѣе. Начались осложненія. Кабинеты формировались и падали въ недѣлю. Солдаты встревоженные безпокойствомъ въ деревняхъ-дезертировали кучками и бѣжали съ фронта, оставляя его открытымъ врагу. Затѣмъ послѣдовали страшныя безпорядки. Царь долженъ былъ отказаться отъ престола. Въ началѣ 1917 года, керенскій, самый вліятельный человекъ въ то время, сдѣлалъ послѣднюю попытку, чтобы восстановить порядокъ. Ему это удалось до нѣкоторой степени, но только на очень короткое время. Подписанъ поворный миръ съ нѣмцами, въ Брестъ-Литовскѣ. Съ тѣхъ поръ много обвиняли Россію за это. Но какъ могло быть иначе. Можетъ ли человекъ продолжать бороться, когда онъ охваченъ нетерпимыми болями внутри? Неудачныя попытки Керенскаго стоили ему популярности. Онъ палъ и съ нимъ послѣднее подобіе порядка и закона. Въ Октябрѣ 1917 г. началась вторая, кровавая революція, подъ вліяніемъ большевиковъ, съ Ленинымъ и Троцкимъ во главѣ. Сначала

въ Петроградѣ, затѣмъ въ Москвѣ. Видѣли ли Вы когда нибудь толпу въ подземной желѣзной дорогѣ, на полѣ футбола. И это иногда бываетъ ужаснымъ. Но вообразите себѣ, огромное, колоссальное количество народа, пьяное отъ вина, слобы и крови, ихъ лица исковерканныя отъ ненависти и возбужденія. Оружіе въ ужасныхъ, голыхъ, худыхъ рукахъ, въ тряпкѣ, покрытомъ грязью и кровью, издавая нечеловѣческія звуки, носясь по улицамъ города, убивая и уничтожая все, что имъ попадалось пода руку. Вотъ толпа, поднятая революціей. Кучки бывшихъ офицеровъ, городовыхъ и юнкеровъ оказала сопротивленіе. Но что они могли сдѣлать? По правдѣ они превратили ужасъ въ адъ. Начались битвы на улицахъ Москвы. Ни кто не былъ въ безопасности. Снаряды и пули летали повсюду. Когда они попадали въ дома, они рушились и сгорали. Зданія, которыя подозревались, что въ нихъ находились контръ-революціонеры-сжигались. На улицахъ строили барикады. Бульвары были изрыты. Ни гдѣ нельзя было себя чувствовать въ безопасности. Сопротивленіе продолжалось только недѣлю. Въ концѣ этого срока, вся эта кучка героевъ была уничтожена, и народъ началъ мстить. Мужчины, женщины, дѣти, молодя, старя, богатыя, красивыя, уродливыя, всё тѣ, кто были подозрѣваемы въ томъ, что они не сочувствовали происходившему, всёхъ ихъ выводили и разстрѣливали. Массы были убиты на улицахъ. Толпы были брошены въ тюрьмы. Оттуда ихъ выводили только на маленькій дворъ и ставили противъ ружей. Последняя молитва, послѣднее воспоминаніе дорогихъ родныхъ и смерть.